

Myl'nikov, Aleksandr Sergejevič

**Проблемы традиций и преемственности в культуре эпохи
чешского национального Возрождения**

*Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. D, Řada
literárněvědná. 1985, vol. 34, iss. D32, pp. 107-117*

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/108314>

Access Date: 12. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University
provides access to digitized documents strictly for personal use, unless
otherwise specified.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ МЫЛЬНИКОВ

ПРОБЛЕМЫ ТРАДИЦИЙ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В КУЛЬТУРЕ ЭПОХИ ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Предлагаемая для рассмотрения тема имеет не только конкретно-исторический, но и историко-теоретический интерес. Это объясняется прежде всего тем, что в современной славистике нередко дебатруется вопрос о соотношении эпохи чешского национального Возрождения (вторая половина XVIII — середина XIX вв.) с периодом распространения в Чешских землях культуры европейского Ренессанса (конец XV — начало XVII вв.).¹ Вопрос этот, впрочем, носит более общий характер и касается в сравнительно-типологическом плане ряда других народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в национальной историографии которых употребляется также категория «национальное Возрождение» (Болгария, Словакия, Сербия, Хорватия, отчасти Румыния, а также лужицкие сербы) или отмечается рецепция ренессансно-гуманистической культуры в XVI — начале XVII вв. (Польша, Венгрия, Словакия, некоторые районы Далмации).²

Очевидна сложность указанной проблемы, до сих пор не подвергавшейся комплексному междисциплинарному исследованию. И хотя время для широких обобщений, в силу этого, еще не наступило, необходимость их относится к числу актуальных и назревших вопросов изучения истории и культуры народов данного ареала. Путь к таким обобщениям лежит, на наш взгляд, через конкретное рассмотрение исторического развития отдельных народов. Это, с одной стороны, избавило бы от поспешных обобщений и спекулятивных догадок и, с другой стороны, позволило бы постепенно накопить необходимые факты и наблюдения, подготовив тем самым благоприятные возможности для их последующего сопоставительного анализа и синтеза. Мы хотели бы наметить пути такого изучения на примере чешской истории указанного выше периода.

Трудность здесь, между прочим, состоит еще и в том, что до сих пор изучение истории Чешских земель конца XV — начала XVII вв. и второй половины XVIII — середины XIX вв. в силу разности этих этапов, специфики источников, особенностей самой организации исследований и по иным причинам проводится, как правило, разобщенно. Но как раз весь

смысл поставленной нами задачи требует рассмотрения этих двух этапов как единого целого. При этом, однако, возникает вопрос — были ли оба эти этапа связаны между собой только в диахроническом отношении или же между ними существовала некая глубинная общность? Такая общность действительно существовала. Но, прежде, чем обратиться к ее рассмотрению, напомним в самых общих чертах характеристику обоих этапов, как она рисуется в современной марксистской историографии.

В работах советских историков, лингвистов, литературоведов и историков культуры, их чехословацких коллег (здесь следовало бы отметить также этнографов) и ряда специалистов из других стран, прежде всего из ГДР и Венгрии, показан формальноограниченный характер взглядов старой буржуазной науки, которая трактовала чешское национальное Возрождение как литературноязыковый процесс, рассматривавшийся к тому же изолированно, как якобы специфически чешский. Благодаря проведенным в последние десятилетия исследованиям удалось установить, что эпоха национального Возрождения в Чешских землях была временем постепенного перехода от феодализма к капитализму и формированием нации и национальной культуры в обстановке угнетения со стороны правящих кругов Австрийской монархии, в состав которой земли чешской короны входили. Это с естественно-исторической необходимостью порождало антифеодальное народное национально-освободительное движение, постепенно втягивавшее в свою орбиту значительные слои чешского общества — чешское крестьянство, национально-мыслившее городское население, особенно средних и небольших городов, возникшее вследствие социального расслоения кадры чешского промышленного и сельскохозяйственного пролетариата, мелкую и сельскую буржуазию, национальную интеллигенцию и некоторые промежуточные группы (мелкое чиновничество, низшее духовенство и др.). Эти классы и слои и составляли этносоциальную базу формировавшейся чешской нации.

Правомерно ли ограничивать этот процесс хронологическими рамками эпохи национального Возрождения, которая, как отмечалось выше, согласно установившейся традиции датируется второй половиной XVIII — первой половиной XIX вв.? Не касаясь в данном случае верхней грани, обратимся к ее начальному рубежу. Для старой науки поставленного вопроса не существовало, поскольку чешское национальное Возрождение обычно резко противопоставлялось предшествовавшим ему побелогорским десятилетиям, именованным «эпохой тьмы».³ Такое упрощенное представление уже не соответствует современному уровню научного познания.

Согласно советской теории этноса начало формирования нации означало одновременно переход от предшествовавшей ей этносоциальной общности — феодальной народности. В основе его лежали изменения базиса общества, вызванные наметившимся разложением феодально-барщинных и зарождением новых буржуазных отношений. По времени этот процесс был более длительным и многоплановым, чем до сих пор предполагалось: начало его оказывается намного более ранним, нежели нижняя хронологическая грань принятой датировки эпохи национально-

го Возрождения. И действительно, ранние признаки зарождения в Чешских землях капиталистического уклада, как показали исследования чехословацких и советских историков, относятся, по крайней мере, к рубежу XVII—XVIII вв. (развитие рассеянной и централизованной мануфактуры), а по мнению некоторых ученых могут быть обнаружены спорадически еще раньше, в предбелогорские десятилетия, хотя и были затем деформированы, заторможены или даже прерваны событиями XVII в.⁴

Не затрагивая этой темы в ее полном объеме, отметим лишь, что под интересующим нас углом зрения отмеченная длительность и многоплановость проявлялась, в частности, в разновременном и своего рода волнообразном вызревании отдельных компонентов, которые позднее, в эпоху национального Возрождения, в совокупности образовали основы системы чешской национальной культуры. Сошлемся в качестве примера на генезис чешского литературного языка. Задолго до Й. Добровского, Й. Юнгмана и других выдающихся представителей чешского национального Возрождения, заложивших основы современного чешского национального литературного языка, значительный вклад в кодификацию и демократизацию языка чешской письменности был внесен в начале XV в. Яном Гусом. Введенная им система правописания сохранила значение до сих пор. Классическим периодом в развитии чешского литературного языка был XVI в., а выдающимся его памятником стала Кралицкая библия, созданная членами Общины чешских братьев и вплоть до эпохи национального Возрождения остававшаяся образцом и нормой письменного языка. Конечно, подобные акции входили в контекст этнокультурного развития чешской феодальной народности. Но примечательно, что и Ян Гус и создатели «Кралицкой библии» не ограничивались, как это было характерно для того времени, земским делением, а ориентировались на чешский этнос в целом, независимо от того, шла ли речь о собственно Чехии, Моравии или Силезии. Следовательно, это был не феодально-территориальный, а этнический подход, во многом как бы предвосхищавший интеграционные явления эпохи национального Возрождения.⁵ Однако, это не был прямой путь развития.

В результате утраты Чешскими землями после 1620 г. независимости и репрессивной политики Вены по отношению к антикатолической и антиавстрийской оппозиции, произошло сужение социальной базы чешской народности, а вместе с этим и резкое сокращение сферы применения чешского языка, что в свою очередь привело к сужению жанровой структуры литературного творчества на нем, к явлениям нестабильности и расшатанности норм языка.⁶ Так, друг и ближайший сотрудник Б. Бальбина Т. Пешина, обосновывая издание «Предварительного описания Моравии» на чешском языке и всячески подчеркивая свое чешское происхождение, счел все же нужным оговорить, что поступает «к чести нации и языка чешского своего, как и моравского, который от нашего немного отличается». Этот пример, относящийся к концу XVII в., иллюстрирует ту волнообразность в накоплении элементов будущего национального развития, о чем упоминалось выше. Сходные явления могут быть прослежены и на других компонентах, которые в дальнейшем образуют систему национальной культуры. Но говорить о начале данно-

го процесса как такового можно лишь после того, как отдельные части формировавшейся системы достигали такого уровня развития и зрелости, что их сложение, синтез порождали новое качество — нацию. Поэтому процесс становления последней не имел и не мог иметь одноактного, разового характера, а представлял собой многоплановый процесс, асинхронный по темпам и времени протекания.

Все сказанное делает целесообразным обращение к истокам указанных процессов, т.е. к тому времени, когда отдельные, составные их элементы могут быть прослежены в Чешских землях хотя бы в спорадическом и разрозненном состоянии. Таким образом, возвращаясь к поставленному ранее вопросу о причинных связях между эпохой национального Возрождения и периодом от конца XV до начала XVII вв., можно прийти к выводу, что связь между обоими этапами в интересующем нас отношении существовала и шла по линии длительной этносоциальной эволюции, которую можно и назвать процессом нарастания этносоциальной базы чешской нации, отразившемся, разумеется, и в собственно этнокультурном развитии.

Это и ведет к необходимости еще раз обратиться к тем десятилетиям, когда в Чешских землях происходило распространение ренессансно-гуманистических идей и которые иногда, хотя и не вполне точно именуется периодом «чешского Ренессанса». К сожалению, этническая история Чешских земель того времени изучена недостаточно, а в оценке существа, характера, социальной базы и даже продолжительности этого периода между историками, литературоведами, искусствоведами и историками науки нет единства мнений. Одна из главных причин такого положения заключается в том, что до сих пор при рассмотрении данного периода господствовал «отраслевой» подход, тогда как он должен носить междисциплинарный характер.

В самом деле, факт распространения в Чешских землях конца XV — начала XVII вв. ренессансно-гуманистических идей, образов и представлений бесспорен. Он не был ни случайностью, ни данью моде, хотя и то и другое в определенные периоды и могло играть некоторую, хотя и не определяющую роль. Достаточно напомнить, что новые веяния, получившие первоначально латинизированную форму (наиболее ярким представителем такого течения был, талантливый ученый и писатель Богуслав Гасиштейнский из Лобковиц, ок. 1461—1510), очень скоро приобрели народно-чешский облик. Среди выдающихся представителей чешского гуманизма той поры был юрист Викторин Корнелий из Вшегрд (ок. 1460—1520), литератор и книгоиздатель Даниэль Адам из Велеславина (1546—1599), математик Тадеуш Гайк (1525—1600) и ряд других деятелей культуры Чешских земель XVI — начала XVII вв.

Ренессансно-гуманистические тенденции в большей или меньшей мере находили в разное время проявление в литературе, живописи, музыке, архитектуре, науке. Они отразились в репертуаре книгопечатания, которое достигло в Чешских землях XVI — начала XVII вв. высокого уровня развития и обрело достаточно широкую читательскую аудиторию. Показательно, например, что газеты, появляющиеся здесь в XV в. в рукописной форме, в XVI в. стали изготавливаться типографски.⁷ Эти тенденции, затронувшие преимущественно образованные круги чешского об-

щества, проникали и в более демократические круги, отразившись в народной культуре. Впрочем, вопрос этот, особенно в отношении крестьянства, практически не разработан. Но достаточно выйти в центральную часть, прежде всего — на площадь, любого чешского города, сохранившего свой облик от того времени без значительных перестроек до настоящего времени, чтобы убедиться, что в социальном амфитеатре культуры Чешских земель конца XV — начала XVII вв., связанной с идеями европейского Ренессанса, средние, а иногда и низшие слои городского населения играли заметную роль. Ценным источником для дальнейшего изучения этой проблемы может служить история костюма и бытовой культуры того периода.

И все же вопрос о так называемом «чешском Ренессансе» нельзя окончательно решить, не затрагивая взаимоотношения между гуманистическими и реформационными идеями и их отражения в культурной деятельности Чешских земель предбелогорских десятилетий. Приходится признать, что и эта область разработана крайне недостаточно. Между тем, поскольку Чешские земли, как и соседние с ними страны, отнюдь не были эпицентром Ренессанса, а находились на периферии этого духовно-движения, конфликт между гуманистическими и реформационными идеями не приобретал здесь, повидимому, столь резкого характера, как это, скажем, имело место в ряде западно-европейских стран, не говоря уже об Италии. Так, в деятельности Общины чешских братьев и одного из ее выдающихся руководителей Яна Благодслава (1523—1571) при разработке и упорядочивании норм чешского литературного языка и реформе школьного дела получили реализацию и некоторые гимнастические представления.⁹ В подобных случаях, каждый из которых должен исследоваться конкретно, важно установить характер, роль и социальную обусловленность функционирования наследия гусизма в его соотношении с более поздними гуманистическими и реформационными течениями. Примечательно, например, что в среде плебейской оппозиции преобладал интерес к разным оттенкам реформационных или преимущественно реформационных идей. Во всяком случае, при всей значимости чешского гуманизма, он никогда не обладал идейной монополией и, насколько можно судить, распространялся главным образом (хотя и не исключительно) в культуре образованных слоев чешского общества. Это не дает оснований для характеристики так называемого «чешского Ренессанса» в качестве эпохи, хотя применительно к отдельным периодам развития литературы, живописи, науки и некоторых других видов культурной деятельности того времени и правомерно вычленять ренессансно-гуманистические течения. В целом, учитывая сложность духовной жизни конца XV — начала XVII вв. с ее отчетливо выраженными антигабсбургскими и антикатолическими тенденциями, названные десятилетия правильнее характеризовать как эпоху распространения в культуре Чешских земель идей Ренессанса и Реформации. Это, кстати сказать, было свойственно и ряду других стран и народов Восточно-европейского ареала той эпохи.⁹

Поэтому с интересующей нас точки зрения в центр внимания следует поставить вопрос об объеме, степени и характере восприятия традиций конца XV — начала XVII вв., а иногда и более раннего времени (насле-

дия гуситского революционного движения) в культуре эпохи национального Возрождения в общем контексте этносоциального развития чешского народа при переходе от этапа феодальной народности к этапу формирования нации. При этом целесообразно рассмотреть — каково было отношение идеологов чешского национально-освободительного движения к наследию добелогорского периода; в какой мере и какие именно традиции этого периода сохранили преемственность; что и в каких социальных кругах чешского общества эпохи национального Возрождения воспринималось из этих традиций и использовалось для дальнейшего развития чешской национальной культуры? С учетом современного уровня исследования названной проблематики ответ на поставленные вопросы может быть дан лишь частично и, по необходимости, кратко.

Уже деятели первого, просветительского, этапа чешского национального движения неоднократно обращались к наследию чешского гуманизма. «Мы, чехи, — писал А. Фойгт в 1771 г., — можем по праву гордиться Богуславом Гасиштейнским, если можно так выразиться, звездой первой величины, которая сияла в нашем отечестве в конце XV и в начале XVI вв.»¹⁰ В 1780-х гг. Ф. Прохазка, а затем и В. М. Крамериус предприняли переиздание многих памятников письменности, изданных в Чешских землях в конце XV — начале XVII вв. На рубеже XVIII—XIX вв. основоположник истории чешской журналистики Ян Б. Длабач занимался периодом возникновения периодической печати на чешском языке в конце XV — начале XVI вв.¹¹ Тогда же чешский славист Й. Злобицкий, работавший в Вене, собирал материалы по истории чешского театра, начиная их с 1534 г.¹² К наследию чешского гуманизма неоднократно обращались и деятели чешской культуры первой половины XIX в., в частности Й. Юнгман, собравший впервые максимально полную по возможностям того времени библиографию их работ в своей «Истории чешской литературы», вышедшей первым изданием в 1825 г. Достоинно внимания, что в первый том «Старочешской библиотеки», открывшей серию, которую в 1841 г. начала выпускать Чешская матица, вошел труд отца чешского гуманизма Викторина Корнелия из Вшегрд «Девять книг о правах, судах и земских книгах чешской земли». Публикацию подготовил В. Ганка, которому австрийские власти не разрешили издать текст Викторина полностью, опасаясь и через три столетия содержавшегося в нем патриотического заряда.¹³ Этот пример свидетельствовал о том, что наследие чешского гуманизма сохраняло свою значимость и в эпоху национального Возрождения. Вместе с тем, однако, деятели национально-освободительного движения значительное внимание уделяли и наследию гусизма. Уже А. Фойгт в выпущенных им «Литературных актах Чехии и Моравии» (1774—1783) опубликовал забытые к тому времени, а в побелогорские десятилетия и попросту запрещенные материалы Яна Гуса, Яна Жижки и источники, связанные с гуситским революционным движением. Эта тематика постоянно присутствовала в духовной жизни Чешских земель эпохи национального Возрождения и позднее, а многие патриотические и революционные кружки, возникавшие нелегально в канун революции 1848—1849 гг., носили имена героев-таборитов и Яна Гуса.

Из приведенных примеров можно в общих чертах получить представление о том, что из наследия добелогорского времени сохраняло преемственность: наследие чешского гуманизма и наследие гуситского революционного движения. При этом, в зависимости от позиции тех или иных деятелей чешской культуры, внимание акцентировалось на различных аспектах этого наследия, которое нередко воспринималось в целом. «О если бы ныне ожили милые предки наши, — восклицал в «Защите чешского языка от злобных его хулителей» К. Там в 1783 г., — если бы воскресли магистр Ян Гус из Гусинца, Богуслав Лобковиц из Гасиштейна, Карел Жеротин, Ян Ходейовский, Даниэль из Велеславина, Ян А. Коменский, Б. Бальбин и иные, как бы они огорчились, видя, что их любимый язык, ими всегда восхваляемый, в нынешние дни самими патриотами постыдно забыт и принижен»¹⁴ Приведенная цитата чрезвычайно типична для характеристики мышления деятелей чешской культуры эпохи национального возрождения, которые и на приверженцев гусизма и на сторонников гуманистических идей, а равно и на патриотических авторов XVII в. смотрели под углом зрения их вклада в этнокультурное развитие. Так, Й. Добровский, отрицательно относившийся к методам революционной борьбы и на этом основании осуждавший таборитов за их «жестокость», не мог отрицать их роли в истории и культуре чешского народа. Имея в виду Яна Жижки и его сподвижника Искру, Й. Добровский с иронией писал в 1797 г. в Вену Й. Злобицкому: «Этих двух героев примерно с 60 тысячами чехов хотел бы я вам сейчас послать, если вы действительно должны бояться Бонапарта.»¹⁵

Наоборот, деятели демократического и радикального крыла чешского национально-освободительного движения делали из анализа гуситского движения откровенно революционные выводы, как например, Э. Арнольд и другие чешские радикальные демократы 1840-х гг.¹⁶ Во всех подобных случаях прослеживается социальная обусловленность при подходе к оценке и использовании наследия добелогорского периода.

Особым и до конца еще не изученным аспектом является осмысление этого наследия в народной культуре. В самых общих чертах можно, по видимому, утверждать, что преимущественную ценность в крестьянской и отчасти чешской городской среде сохраняло все же наследие гусизма. Не случайно, Ф. М. Пельцль, человек достаточно консервативных убеждений, для которого даже Иосиф II казался революционером и вторым Яном Гусом, сделал в своем дневнике 16 января 1781 г. следующую запись: «Каждый чех, который только читает чешские книги и знает историю своей родины, немного гусит».¹⁷ И спустя шесть десятилетий, в своих предсмертных «Записках» Й. Юнгман, отнюдь не придерживавшийся революционных воззрений, высоко оценивал гуситское движение, именуя его «прекрасной эпохой».¹⁸ Эти высказывания важны для изучения народного мышления и народной культуры, ибо они свидетельствовали о подспудном сохранении здесь памяти о гуситском революционном движении, хотя бы далеко не полном, во многом затуманенном десятилетиями политики контрреформации, а зачастую и наивном. Богатые материалы на этот счет собраны А. Робеком в ходе исследования и публикации памятников народной письменности.¹⁹ Вообще, репертуар чтения крестьянства и городских низов эпохи национального Возрожде-

ния важен для понимания особенностей восприятия в широких массах культурных традиций добелогорского периода. Примечательно, например, что в XVIII — первой половине XIX вв. удержалось немало произведений, возникших в XV—XVI вв., а иногда и раньше, а кроме того создавались и перерабатывались памятники фольклора, в которых звучали отголоски гуситских мотивов.

Сложнее с выяснением характера восприятия наследия чешского гуманизма и реформации в материальных формах культурной деятельности. В этой области перед исследователями возникает множество интересных возможностей. Показательно, в частности, что в побелогорские десятилетия в чешских городах начинается массовое сооружение новых и проводится реконструкция старых зданий в стиле барокко. Подобные меры не следует, разумеется, трактовать упрощенно, в отрыве от стилиевой эволюции XVII и значительной части XVIII вв. Однако, едва ли следует упускать из вида, что перестройка и реконструкция касалась в значительной степени внешнего вида чешских городов, носившего к началу XVII в. во многом ренессансный характер. К тому же отмеченный процесс наиболее интенсивно протекал в конце XVII — первых десятилетиях XVIII вв., т. е. совпадал по времени с усилением реакционной политики контрреформации и с запрещением или так называемым «исправлением» большей части чешских книг, изданных до 1620 г., в которых австрийские власти и католическая церковь не без основания видели антиавстрийскую и антикатолическую направленность. Усвоение традиций прошлого в эпоху национального Возрождения представляло собой не только объективный, но и субъективный процесс, осознававшийся наиболее проницательными деятелями культуры. В этой связи хотелось бы обратить внимание на текст письма поэта Войтеха Неедлы к Антониу Пухмайеру. Письмо не датировано, но, судя по упоминанию о болезни Й. Добровского, относилось к концу 1790-х гг. Здесь Неедлы сообщает, что, по мнению Ф. М. Пельцла, состояние Добровского неудовлетворительно. «Он, — пояснял Неедлы, — судит об этом потому, что Добровский полагает, будто наше время очень похоже на то, что было за двести лет до этого, что Крамериус — это Велеславин, а Пельцль как исторический компилятор подобен Кутену.» Сравнение Добровским Ф. М. Пельцла с чешским антикатолическим хронистом XVI в. М. Кутеном, а равно сопоставление основателя «Чешской экспедиции» В. М. Крамериуса с Даниэлем Адамом из Велеславина — все это не просто озадачило, но, по-видимому, и разгневало благонамеренного католика Пельцла, который и отнес мнение Добровского за счет его «болезни». Неедлому, однако, такие рассуждения не показались странными. Он резонно заметил: «Я и вправду не могу уразуметь, что в таком сопоставлении было бы необычного».²⁰ Приведенный документ важен для понимания психологии деятелей эпохи чешского национального Возрождения.

Подводя итоги сказанному, можно заключить, что традиции добелогорского времени, выборочно и критически воспринятые, играли определенную роль в культурной жизни интересующей нас эпохи. Вместе с тем, очевидно, что для дискуссии об отсутствии или наличии в Чешских землях «двух» Возрождений нет достаточных оснований. И дело не

только в случайном созвучии терминов. Известно, что в истории Италии, страны, где зародилось движение Ренессанса, период национально-освободительной борьбы конца XVIII в. — 1870 г. именуется «Рисорджименто», что означает тоже «Возрождение». Дело заключается в том, что, как мы пытались показать, ренессансно-гуманистические идеи в Чешских землях конца XV — начала XVII вв. не определяли облика всей эпохи. Но и период национального Возрождения не покрывает собой всего процесса становления чешской нации и национальной культуры. Его значение в том, что он продолжил и завершил в основном то, что в Чешских землях добелогорского времени называлось, но оказалось надолго приостановленным — создание предпосылок для перехода к нации как более высокой этносоциальной общности с соответствующими качественными преобразованиями и в этнокультурной сфере.

Но вызревание отдельных звеньев этого процесса, как отмечалось выше, происходило исподволь и одновременно, за счет постепенного, частично — весьма раннего по времени, зарождения и накопления элементов нового в рамках старых социальных и культурных структур. Это было вполне естественно и К. Маркс не случайно предостерегал: «Не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды».²¹ Именно поэтому, подходя к вопросу с этносоциальной и этнокультурной точек зрения, чешское национальное Возрождение нельзя рассматривать ни в качестве простого продолжения добелогорского времени, ни как совершенно не связанную с ней эпоху. Непонимание сложных диалектических взаимосвязей, которые здесь возникали, составляло один из коренных пороков методологического подхода Т. Масарика, Й. Пекаржа и других представителей буржуазной исторической мысли, обращавшихся, как известно, к трактовке этой темы.

Противоречивость, трагичность и затянутость переходного этапа в этнической истории чешского народа делает, по-видимому, недостаточным простое противопоставление этапа «национального» предшествующему ему этапу «донациональному». По нашему мнению, время распространения в культурной жизни Чешских земель до начала XVII в. гуманистических и реформационных идей, представлений и образов в исторической перспективе можно рассматривать как проявление этносоциального и этнокультурного развития преднационального типа.

То, что эта эволюция имела не просто «донациональный», а именно «преднациональный» характер, подтверждается содержанием и социальной обусловленностью этих традиций добелогорского времени, которые сохраняли свое жизненное значение для эпохи национального Возрождения. Нити преемственности связывали не только обе названные эпохи, но и однотипные социальные силы, разделенные временем и разными уровнями развития. Отмечая это, мы далеки от буквального, упрощенного сопоставления. И все же, если деятели национального движения, отражавшие классовые интересы различных фракций формировавшейся буржуазии, проявляли преимущественное внимание к чешскому гуманизму, к умеренным течениям реформации, в том числе и к постгуманизму, и негативно относились к идейно-культурному наследию революционного гусизма, то это, в сущности, означало, что во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. они занимали приблизительно те

же позиции, что и их социальные предки в конце XV — начале XVII вв. Сказанное подтверждает справедливость мысли Ф. Энгельса, который на примере анализа Крестьянской войны в Германии указывал, что «умеренная» бюргерская оппозиция «играла в движении XVI века такую же роль и с точно таким же успехом, как и ее наследница, конституционная партия, в движении 1848—1849 гг.»²² Восприятие же перечисленных традиций, но в обратной последовательности, при которой наследие таборитов, у которых, по словам Ф. Энгельса, «уже тогда под теократической оболочкой выступает даже республиканская тенденция»²³, выдвигалась на первое место, соответствовало позициям левого, радикального крыла чешского освободительного движения, которое кристаллизовалось в 30—40 гг. XIX в. Многие в настроениях представителей плебейской оппозиции феодализму добелогорских десятилетий оказывалось созвучным мышлению широких кругов чешского общества — мелкой городской буржуазии, крестьянству, складывавшемуся пролетариату. Таким образом, в руках идеологов разных направлений чешского национально-освободительного движения традиции прошлого использовались для придания того или иного направления национальному сознанию, которое вносилось ими в чешское общество эпохи национального Возрождения.

Существовавшие в эту эпоху нити культурной преемственности отражали, в конечном счете, сопряженность различных стадий единного поступательного этносоциального процесса, несмотря на препятствия и барьеры, которые перед ним воздвигала история.

¹ Об этом см. С. В. Никольский, *Развитие художественного мышления в славянских литературах эпохи национального возрождения*. Slavia 48, 1979, № 2—3, 175.

² См. *Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849 г.* Наука, М. 1980.

³ Этот вопрос подробнее освещен в книге А. С. Мылников, *Vznik národní osvícenské ideologie v českých zemích 18. st. Prameny národního obrození*. Praha 1974.

⁴ J. Janáček, *Řemeslná výroba v českých zemích v 16. st.* Praha 1961.

⁵ А. С. Мылников, «Чешское» и «моравское» общественное сознание в XVIII в. К вопросу о вызревании национального самосознания и роли исторической альтернативы в процессе формирования нации. В кн. *Культура и общество в эпоху становления наций. Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII — 70-х гг. XIX в.* Наука, М. 1974, 41—54.

⁶ А. Г. Широкова, Г. П. Нецименко, *Становление литературного языка чешской нации*. В книге *Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков*. Наука, М. 1978, 11—19.

⁷ М. Kopecký, *Die Moraltendenz in der tschechischen Literatur der Renaissance*. Sborník prací FFBU E 10, 1965, 321—328; М. Kopecký, *Pokrokové tendence v české literatuře od konce husitství do Bílé hory*. Brno 1979; J. Janáček, *Zeny české renesance*. Praha 1977.

⁸ J. В. Сапек, *Vývoj české literární renesance a Jan Blahoslav*. Slavica Pragensia 14, Praha 1972, 167—181.

⁹ Этот термин встречается в книге *Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.* Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. Наука, М. 1976.

¹⁰ Neue Litteratur 1771, № 17, 257—258.

¹¹ Z. Šimeček, J. В. Dabač, *zakladatel historie českého novinářství*. Novinářský sborník 1958, № 2, 167—174.

¹² Památník národního písemnictví, pozůst. V. Zlobického.

¹³ V. Vaněček, *Mistr Viktorin Cornelius ze Všehrd a další vývoj českého právnictví*. Praha 1960.

¹⁴ F. Chalupa, *Obrany jazyka a národnosti české*. Ruch 1883, 186.

¹⁵ Об этом эпизоде подробнее: А. С. Мыльников, *Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура*. М. 1977, 116.

¹⁶ Подробнее см. А. С. Мыльников, *Место и значения чешских национальных демократов в чешской историографии XIX в.* Новая и новейшая история 1964, № 2, 37—47.

¹⁷ F. M. Pelcl, *Paměti*. Praha 1956, 36.

¹⁸ J. Jungmann, *Zápisky*. Praha 1973, 54.

¹⁹ A. Robek, *Lidové zdroje národního obrození*. Praha 1974; A. Robek, *Městské lidové zdroje národního obrození*. Praha 1977.

²⁰ Оpubл. в книге А. С. Мыльников, *Культура чешского Возрождения*. Л. 1982, 164.

²¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Соч.*, изд. 2, т. 47, 460.

²² К. Маркс, Ф. Энгельс, *Соч.*, изд. 2, т. 7, 354.

²³ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Соч.*, изд. 2, т. 7, 363.

²⁴ Мы сознательно абстрагировались от традиций, которые шли от наследия культур других народов (в том числе — русской культуры) и которые в эпоху национального Возрождения получали общественную значимость. Эта тема, имеющая прямое отношение к этнокультурной ситуации той эпохи, ввиду ее значимости и многоаспектности заслуживает отдельного рассмотрения.

PROBLÉMY TRADIC A PŘEJÍMÁNÍ V KULTUŘE ČESKÉHO NÁRODNÍHO OBROZENÍ

Mezi obdobím české renesance a epochou českého národního obrození existuje hluboký vztah. Byl podmíněn tím, že mezi oběma uvedenými obdobími se uskutečňovala dlouhodobá etnosociální revoluce. Lze ji nazvat procesem narůstání etnosociální základny českého národa. Tento proces se nutně odrazil i v kulturním vývoji oné doby. Snaha starší literární vědy a historie oddělit obě periody „dobou temna“ neodpovídá novým vědeckým poznatkům. Je sice pravda, že po roce 1620 byl tento proces přibrzděn, ale to neznamená, že tradice předbělohorské doby ztratily svou úlohu. Uchovaly si ji v té či oné podobě až do epochy českého národního obrození. Význam tohoto období spočívá v tom, že renovovalo a v podstatě završilo to, co v českých zemích předbělohorské doby vyvrátilo, ale po r. 1620 bylo nadlouho zastaveno, aby později vytvořilo předpoklady přechodu k národu jako vyššímu etnosociálnímu společenství s odpovídajícími přeměnami i v etnokulturní sféře. Otázka rozsahu, stupně a charakteru recepce tradic konce 15.—poč. 17. stol. v kultuře českého národního obrození je dosud nevyřešená, ale už nyní lze tvrdit, že se v něm uchovalo dědictví humanismu a dědictví husitského revolučního hnutí.

